

Е. А. Рыбина

Новгород и Ганза

Елена Рыбина
Новгород и Ганза

«Языки Славянской Культуры»

2009

Рыбина Е. А.

Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина — «Языки Славянской
Культуры», 2009

До сих пор о феномене Ганзы и ее значении в жизни средневековой Европы, в том числе и истории Руси, российский читатель за исключением узкого круга специалистов ничего не знал. На протяжении XIV–XV вв. Ганза (торговый союз немецких городов) монополизировала западноевропейскую торговлю и была главным посредником в торговых связях между Центральной, Восточной и Северной Европой. Новгород во все времена был одним из главных торговых партнеров Ганзы. Как сказано современным писателем Б. Киселевым, «там, где Петр I рубил окно в Европу, во времена Новгорода двери были настежь». В книге впервые в научно-популярной форме рассказывается о зарождении новгородско-ганзейских контактов, их становлении и развитии. На основании разнообразных источников освещается весьма противоречивая история новгородско-ганзейских отношений, наполненная конфликтами, взаимными претензиями и столкновениями. Вместе с тем продемонстрирована постоянная заинтересованность сторон в продолжении и развитии новгородско-ганзейских связей. Особое внимание уделено существовавшим в средневековье правилам ведения торговли и правовым нормам. В книге подробно излагается история ганзейской конторы в Новгороде, которая была одной из главных контор Ганзы наряду с конторами в Бергене, Брюгге и Лондоне. Отдельная глава, автором которой является Е.Р. Сквайре, посвящена языковому аспекту новгородско-ганзейских связей. В работе широко используются многочисленные ганзейские источники, древнерусские документы, материалы археологических раскопок в Новгороде. Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей.

© Рыбина Е. А., 2009

© Языки Славянской Культуры, 2009

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	8
Об источниках	8
Исследования о новгородско-ганзейских связях (обзор литературы)	14
Глава II	21
Западнославянское направление (X–XI вв.)	22
Скандинавские связи (IX–XI вв.)	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елена Александровна Рыбина

Новгород и Ганза

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из двух названий, вынесенных в заголовок книги, слово «Ганза» вряд ли понятно современному читателю. До сих пор о феномене Ганзы и ее значении в жизни средневековой Европы, в том числе и истории Руси, российский читатель, за исключением узкого круга специалистов, ничего не знал.

Что же такое Ганза? Термин «Ганза», по мнению исследователей, восходит к слову «Schar» и по смыслу аналогичен слову «гильдия», что означает не что иное, как союз, сообщество, товарищество.

Средневековая торговля имела ярко выраженный корпоративный характер, которым были проникнуты все виды экономических связей, как внутренних, так и внешних. Купец средневековья не был индивидуалистом, он был, как все его современники, по существу коллективистом. Торговые поездки, особенно морские, в чужие земли были трудны и опасны, путешественникам предстояло бороться и со стихией, и с разбойными нападениями. Поэтому уже в раннем средневековье складывались своеобразные объединения купцов, занимавшихся иноземной торговлей. Самой простой формой таких объединений было совместное пользование одним кораблем. Со временем на основе этих простых товариществ стали образовываться союзы купцов, называемые гильдиями. Об их существовании известно из двух рунических камней XI в. из Сигтуны, установленных купеческими гильдиями в память об умерших членах.

Как свидетельствуют источники, такие купеческие гильдии занимались не только обеспечением торговых поездок, но гарантировали своим членам определенные привилегии в торгующей стране, строили собственные церкви, служившие одновременно надежным хранилищем товаров. Заботились гильдии также и об устройстве жилых и складских помещений в тех местах, где купцы вели торговлю. Существование подобных корпораций в виде купеческих объединений характерно для всего XII в. Купеческие гильдии являлись по существу частными организациями без поддержки и покровительства властей. Их действия были ограничены собственной инициативой, что отнюдь не способствовало развитию торговых связей. Большинство историков видят в этих гильдиях предшественников будущей городской Ганзы.

Со временем на основе этих гильдий стали складываться городские купеческие объединения, включавшие в себя купцов одного города или одной национальности. Эти объединения получали льготные грамоты для ведения торговли от своих правителей, а также определенные привилегии в тех странах, где они торговали. В XIII в. в Германии периодически стали образовываться региональные городские союзы для обеспечения безопасности купцов, в чьей деятельности города были весьма заинтересованы. В конце концов для успешного ведения торговли назрела необходимость в организации общегородского союза, объединявшего все группы немецких городов (вендских, нижнесаксонских, вестфальских, ливонских). Таким объединением и стал торговый союз немецких городов, получивший название Ганза (или Ганзейский союз) и окончательно оформившийся к середине XIV в.

На протяжении XIV–XV вв. Ганза монополизировала западноевропейскую торговлю и была главным посредником в торговых связях между Центральной, Восточной и Северной Европой. Ганза с трудом поддается определению, поскольку вмещает в себя множество аспектов. Это не только торговое объединение, в XIV–XVI веках Европа была пронизана духом Ганзы. В разных странах находились ганзейские поселения, существовало ганзейское право, моря бороздили ганзейские корабли, ганзейские купцы влияли на социально-политическое и

культурное развитие городов. Регулярно проходили ганзейские съезды, которые решали не только торговые дела, но и занимались сугубо городскими проблемами.

Торговые контакты Новгорода в балтийском регионе начались задолго до создания Ганзейского союза. Новгородско-ганзейским отношениям предшествовал долгий период становления и развития торговых, культурно-исторических и политических связей Новгорода с европейским Севером и Западом. В X–XI вв. несомненно тесные культурно-исторические и торговые контакты Новгорода с областью южной Балтики, уходящие корнями в далекое прошлое этих регионов, а также торговые и политические связи со Скандинавией. В X в. устанавливаются тесные контакты Новгорода с островом Готланд, который на протяжении веков был центром балтийской торговли. К моменту появления на Балтике немецких купцов были выработаны правила ведения торговли. Поэтому в этой книге рассказ о новгородско-ганзейских отношениях, о пребывании ганзейских купцов в Новгороде предшествует изложение ранней истории новгородско-балтийских контактов.

Новгород был одним из главных партнеров Ганзы. Здесь ганзейские купцы покупали меха, известные во всей средневековой Европе, отсюда вывозили воск, мед и другие товары. С конца XII в. в Новгороде находился Немецкий двор с церковью св. Петра, ставший впоследствии основой ганзейской конторы, одной из важнейших контор Ганзейского союза.

Различные аспекты взаимоотношений Новгорода и Ганзы не раз становились темой исследования отечественных и зарубежных историков. В предлагаемой читателю научно-популярной книге излагается история зарождения, становления и развития новгородско-ганзейских контактов. Отдельные разделы посвящены истории Готского двора, ганзейской конторы, правовым нормам, характеру и правилам ведения торговли. Одна из глав знакомит с археологическим материалом, который дает наглядное представление о быте ганзейских купцов, о товарах, которые они поставляли в Новгород, а также содержит свидетельства о непосредственных контактах ганзейцев с новгородцами.

В книгу включена глава о языковом аспекте новгородско-ганзейских отношений, автором которой является доктор филологических наук Екатерина Ричардовна Сквайре, которой я сердечно благодарна за помощь и участие в этой работе.

В Приложениях к основному тексту книги публикуются список новгородско-немецких и новгородско-ганзейских торговых договоров и грамот, а также два источника, которые помогут современному читателю проникнуться духом средневековья. Это – легенда о посаднике Добрыне, благодаря которой уточнена дата возникновения Готского и Немецкого дворов в Новгороде, и четвертая редакция скры (устава ганзейской конторы в Новгороде), из которой можно почерпнуть много интересных и конкретных сведений об организации и правилах ведения торговли, а также о быте ганзейских купцов.

В конце помещено обширное резюме на немецком языке. В книге отсутствует научный аппарат, но она снабжена практически полным списком публикаций письменных источников и достаточно подробной библиографией отечественных и зарубежных авторов, где заинтересованный читатель найдет все необходимые сведения.

Москва, декабрь 2008 г.

Глава I ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Об источниках

История торговых и культурно-исторических связей Новгорода с Северной и Западной Европой находит отражение в разного вида источниках: это и письменные документы, и археологические материалы, и данные нумизматики и сфрагистики. Для раннего периода (X–XIII вв.) письменных свидетельств сохранилось очень мало, и поэтому для него так важны археологические и нумизматические свидетельства. Напротив, период XIV–XV вв., когда особенно интенсивными были Новгородско-ганзейские отношения, освещен в письменных источниках достаточно подробно, и археология лишь дополняет их.

Письменные источники. Письменные источники по своему характеру можно разделить на две группы. К первой из них принадлежат собственно документы: торговые договоры XII–XV вв. с Готландом, немецкими городами, Ливонским Орденом; торговые грамоты того же периода; княжеские уставы; договоры Новгорода с князьями; лавочные и писцовые книги по Новгороду Великому; устав Немецкого двора (скра), постановления ганзейских съездов, переписка ганзейской конторы, таможенные и торговые книги ганзейских купцов.

Другую группу письменных памятников составляют нарративные, т. е. повествовательные источники, в составе которых русские летописи, скандинавские саги, отдельные свидетельства западных хроник, легенда о посаднике Добрыне, сочинение XII в. «Вопрошание Кириково».

Торговые договоры и торговые грамоты Новгорода. Прямым свидетельством существования торговых связей, несомненно, являются торговые договоры, заключенные между партнерами, и различные грамоты, обеспечивающие купцам «чистые пути», регулирующие различные частные конфликты и взаимоотношения между торговыми партнерами. Всего до нас дошло около пятидесяти подобных документов, которые характеризуют только западноевропейское (в основном ганзейское) направление новгородской торговли. Другие направления торговых связей Новгорода подобными источниками не обеспечены.

Древнейший торговый договор был заключен Новгородом с Готским берегом (о. Готландом) и немецкими городами в 1191–1192 гг. Торговые договоры, как правило, являлись результатом урегулирования различных конфликтов, нередко возникавших в торговых отношениях. Формуляр таких документов был стандартным и отработанным в течение долгого времени. В преамбуле договора назывались имена должностных лиц обеих сторон, которые его заключали. Далее излагалось существо дела или пересказывался конфликт, который должен быть улажен, после чего указывались виновные и определялось наказание; после этого купцам обеих сторон гарантировались «чистые пути», свободная торговля и устанавливался ее порядок. Кроме того, в торговых договорах, заключенных между Новгородом и ганзейскими городами, содержатся некоторые сведения, касающиеся устройства иноземных гостиных дворов в Новгороде, обязанностей купцов, их взаимоотношений с новгородцами.

Торговые договоры заключались от имени высших должностных лиц Новгорода: князя, посадника, тысяцкого и архиепископа. Заметно отличается от остальных формуляр двух первых договоров, написанных на одном пергаменном листе. В них отсутствует владыка, а кроме князя, посадника и тысяцкого названы «все новгородцы», в то время как во всех последующих договорах и большинстве торговых грамот первым среди должностных лиц обязательно упоминается владыка. Кроме князя или его наместника, посадника и тысяцкого неизменно

участниками заключения торговых договоров были старосты купеческие (впервые в договоре 1270 г.), купцы, дети купеческие.

С развитием административной системы Новгорода, с происходящими в ней реформами заметно изменялся состав лиц, заключающих договоры или регулировавших торговые конфликты. Особенно расширился состав лиц, упоминаемых в преамбуле документов, в XV в., когда изменяется не только структура власти, но и сама фразеология. В это время наряду с действующими посадником и тысяцким называются *все* (или, позднее, *старые*) посадники и *все* (или *старые*) тысяцкие, кроме них упоминаются еще бояре, а кроме старост купеческих еще и дети купеческие или просто купцы.

Также меняется состав лиц, подписывавших документ со стороны новгородских контрагентов, что хорошо прослеживается по начальным формулярам торговых договоров на протяжении XII–XV вв. Вплоть до 1392 г. (Нибунова мира) все переговоры и заключение договоров с Новгородом вели послы Любека и Готланда от имени всего заморского купечества. В 1392 г. впервые наряду с ними названы послы трех ливонских городов: Риги, Ревеля (Таллинна), Дерпта (Тарту). В дальнейшем только ливонские послы вели все торговые переговоры с Новгородом, что, несомненно, отражало их увеличивавшуюся роль в новгородско-ганзейской торговле.

Кроме непосредственно торговых договоров, фиксирующих заключение торгового мира после очередного конфликта, существовали и другие торговые акты разнообразного характера. Чаще всего они были посвящены гарантии «чистых путей», возврату награбленного товара, взысканию долгов. Эти документы также относились к числу государственных актов, т. е. регулирование любых торговых отношений было в ведении новгородских властей.

Всего к настоящему времени сохранилось 19 торговых договоров и 33 грамоты разнообразного торгового характера. Любопытна их статистика: из 52 торгово-правовых документов только один датируется концом XII в. и 5 – XIII в.; к XIV в. относятся 4 договора и 10 торговых грамот, к XV в. – 11 договоров и 21 грамота. Таким образом, подавляющее число документов (46 экз.) происходит из XIV–XV вв., т. е. относятся к ганзейскому периоду. Несомненно, до нас дошла только часть существовавших в свое время актов, однако прослеживается определенная закономерность в хронологии сохранившихся торговых договоров и грамот. Если для XII–XIII вв. известно всего 6 торговых документов, то уже для XIV в. – 14, а для XV в. – 32 акта. Даже с учетом того, что часть документов как раннего периода, так и более позднего не сохранилась, нельзя не заметить относительное обилие договорных и прочих грамот в XV в., от которого дошло более половины всех имеющихся документов. Отмеченная тенденция свидетельствует, с одной стороны, о динамике торговых связей, об увеличении с течением времени товарооборота, торговой активности как новгородских, так и иноземных купцов. С другой стороны, обилие регулирующих торговые конфликты документов, несомненно, указывает на обострение торговых отношений между Новгородом и Ганзой в XV столетии, когда конфликты между торговыми партнерами следовали один за другим и каждый из них завершался заключением торгового мира. Последний договор времен новгородской независимости был заключен между Новгородом, Псковом и Дерптом в 1474 г. Еще три договора были заключены до конца XV в. уже после потери

Новгородом независимости, но сохранявшим временно прежнюю административную структуру и значение торгового центра.

В торговых договорах и грамотах содержится немало имен новгородских купцов, которые в будущем, возможно, удастся обнаружить в текстах берестяных грамот соответствующего времени.

Княжеские уставы. Из трех княжеских уставов XIII в., содержащих важные свидетельства об организации новгородской торговли и новгородского купечества, для рассматриваемой темы имеет значение «Устав князя Ярослава о мостех», который датируется 60-ми гг. XIII

столетия. Как отмечают исследователи, этот документ главным образом непосредственно связан с торговыми делами, хотя речь в нем идет о мощении улиц. В части «Устава», посвященной Торговой стороне, перечисляются участки улиц и дорог, ведущих к Торгу и к пристаням, которые были обязаны мостить городские власти всех уровней, включая князя и посадника. Следовательно, забота об этих магистралях была общегосударственным делом в Новгороде. Кроме того, мощение улиц вменялось в обязанность иноземным гостям (немцам и готам) и жителям соответствующих улиц.

Договоры Новгорода с князьями. Сохранилось около 20 таких договоров XIII–XV вв., заключенных между Новгородом и приглашаемыми князьями. В них наряду со многими статьями, где обусловлены права и обязанности сторон по отношению друг к другу, есть и статьи, регулирующие торговую деятельность. В частности, начиная с 1268 г. из договора в договор повторяется статья о том, что князь не имеет права распоряжаться Немецким двором, т. е. объявлять о его закрытии, а также торговать с немецкими купцами: «А в Немецком дворе тебе торговати нашею братиею, а двора ти не затваряти, а приставов не приставливати».

Для рассматриваемой темы интересны составленные в конце XVI в. **лавочные и писцовые книги** по Новгороду, в которых содержатся сведения о местоположении Немецкого двора и дается его описание.

Что касается **берестяных грамот**, то сведений о внешней торговле Новгорода в них, к сожалению, совсем немного. Покупку немецкой соли фиксируют грамоты 32 и 282 (обе XIV в.).

Летописи. В нескольких летописных статьях XII–XIII вв. сообщается о пожарах варяжской и немецкой церковей в Новгороде. Ценность этих показаний заключается в том, что они дают исходное основание для локализации иноземных дворов на территории Новгорода.

Среди повествовательных источников большой интерес для истории возникновения иноземных дворов в Новгороде представляет **легенда о посаднике Добрыне**, сохранившаяся в трех списках XVI–XVII вв. Источниковедческий анализ этих списков позволил уточнить дату возникновения в Новгороде Готского и Немецкого дворов.

Косвенные сведения о существовании варяжской божницы в Новгороде имеются также в «**Вопрошании Кирикеем**» (1130–1150 гг.). Оно представляет собой сочинение, составленное в форме вопросов новгородского священника и математика XII в. Кирика (отсюда и название памятника) и ответов епископа Нифонта. В них регламентировались правила поведения, нормы морали в средневековом обществе, давались рекомендации священникам в решении самых разнообразных жизненных вопросов. Один из ответов определял меру наказания тем людям, которые обращаются за церковными требами к варяжским священникам: «А оже се носили к варяжскому попу дети на молитву. Ответ: 6 недель епитимье, рече, занеже акы двоеверци суть». Для нас здесь важно упоминание варяжского попа в Новгороде во второй четверти XII в., что, несомненно, свидетельствует о существовании католической церкви в это время.

* * *

Количество письменных документов иноземного происхождения, хранящихся в архивах Любека, Гданьска, Риги, Таллинна, Тарту и других городов, значительно превышает отечественный материал такого рода. Датируются они преимущественно XIV–XV вв., характеризуя главным образом новгородско-ганзейскую торговлю. В составе этих источников имеются: материалы ганзейских съездов, переписка ганзейской конторы в Новгороде, скра – устав Немецкого двора в Новгороде; всевозможные торговые и таможенные книги немецких городов, Тевтонского ордена, купеческих фамилий.

Постановления ганзейских съездов. В 70-е годы XIX столетия сначала Исторической комиссией при Мюнхенской Академии наук, затем созданным в 1870 г. Ганзейским историческим обществом было предпринято многотомное издание постановлений ганзейских съездов

и всей переписки, связанной с их подготовкой и проведением. Издание состоит из четырех частей, каждая из них включает 7–8 томов, в которых соблюдался строгий хронологический порядок публикации источников: часть I – Die Recesses und andere Akten; части II–IV – Hanserecesse, сокращенно HR. Тогда же Ганзейское историческое общество начало публикацию различных ганзейских грамот и иных документов (в том числе деловых купеческих писем), вышедших в одиннадцати томах под названием «Hansische Urkundenbuch», сокращенно HUB.

Эти издания – наиболее полная публикация ганзейских документов, которые освещают в основном вопросы запретов по тем или иным причинам торговли с Новгородом, ведения с ним переговоров и заключения торговых договоров, рассмотрения различных конфликтных ситуаций, т. е. всего того, что входит в сферу торговой политики. Вместе с тем среди материалов съездов нередко встречаются документы, непосредственно касающиеся судеб ганзейской конторы в Новгороде, дела которой постоянно обсуждались на съездах.

Значительную часть ганзейских документов составляет разнообразная *переписка* между немецкими купцами, торговавшими в Новгороде, и городскими советами Любека, Висбю, Риги, Ревеля, Дерпта, руководившими ганзейской конторой. Публикация этих материалов началась в середине XIX века в многотомном издании прибалтийских документов Liv-Est- und Curländisches Urkundenbuch (сокращенно LUB). Это 15-томное издание содержит массу документов, главным образом XIV–XV вв. и отчасти XVI в., относящихся к переписке немецких купцов из Новгорода с ливонскими городами. В них находятся самые разнообразные сведения из жизни купцов в чужом городе, об устройстве их быта, о взаимоотношениях с новгородскими властями и жителями города, о положении и состоянии иноземных дворов в периоды ухудшения или полного разрыва торговых отношений. Письма купцов, как любая, в том числе и деловая, переписка, сохранили живые подробности эпохи и интересные факты из жизни ганзейской конторы в Новгороде.

Скра. Важнейшим источником по истории новгородско-ганзейских торговых отношений в целом и ганзейской конторы в Новгороде в частности стала скра – устав Немецкого двора, – известная в семи редакциях.

Образование торговых дворов в чужих землях, несомненно, требовало составления определенных правил торговли и поведения немецких купцов, для чего и была создана скра («Sega», «Schra», «Schräge»), что означает «книга законов», или «судебник». Этот многоплановый источник наиболее полно характеризует устройство дворов, быт купцов, живущих в Новгороде, правила ведения торговли и многое другое.

Первая дошедшая до нас скра датируется первой третью XIII в.¹ С изменением условий торговли, политической обстановки, торговых взаимоотношений между Новгородом и его западными партнерами, расстановки сил внутри самого Ганзейского союза менялась и новгородская скра. За три с половиной столетия было создано семь редакций этого документа, из которых пять относятся к периоду независимого Новгорода (X–XV вв.), а две последних фиксируют состояние новгородско-ганзейской торговли в XVI–XVII вв.

Все эти редакции можно разделить на две части, одну из которых составляют три первые редакции, содержащие древнейшее право Немецкого двора в Новгороде, каждый раз дополняемое новыми статьями уголовно-юридического и процессуального характера. Ко второй части относятся IV–VII редакции скры, совершенно отличные от трех первых и состоящие главным образом из постановлений, касающихся внешнего распорядка двора и различных решений торгового и правового характера.

Скра неоднократно издавалась разными авторами, но самое полное издание ее редакций, с учетом всех имеющихся списков, заново сверенное с оригиналами, было осуществлено Валь-

¹ Подробней о содержании каждой редакции скры см. главу IV.

тером Шлютером и предназначено им в качестве подарка XV Археологическому съезду, состоявшемуся в Новгороде в 1911 г. Предполагалось, что это издание в дальнейшем будет переведено на русский язык. Однако до сих пор это намерение не исполнено, хотя данный источник содержит бесценные сведения для истории новгородско-ганзейской торговли на протяжении нескольких столетий.

Еще в середине XIX в. три первые редакции скры были переведены на русский язык И.Е. Андреевским. В 1905 г. на русском языке появилась публикация III редакции скры. Отмечу, что оба русских издания скры грешат неточностями перевода и при работе требуют критического отношения и обязательного сопоставления с оригиналами. В настоящем издании публикуется перевод IV скры, послужившей основой для всех последующих редакций (см. Приложение).

Ганзейские таможенные и торговые книги относятся к числу делопроизводственных документов, содержащих сведения о составе, объеме, ценах на экспортные и импортные товары. Таможенные книги появились впервые в середине XIV в. с целью упорядочения сбора торговых пошлин. В литературе известны таможенные книги Любека, Риги, Ревеля XIV–XV вв., фиксирующие ассортимент и стоимость товаров для какого-то конкретного периода. Наряду с таможенными с XIV в. известны и так называемые торговые купеческие книги (название достаточно условно), которые представляют собой записи отдельных ганзейских купцов о проводимых ими торговых операциях. Поскольку такие записи делались купцами для себя (т. е. для личного пользования), они содержат конкретные сведения о товарах, их ценах, о торговых сделках с партнерами, о колебаниях цен на рынке, об изменении спроса, о продавцах и покупателях, т. е. детализируют общую картину торговой деятельности. Для новгородско-ганзейской торговли особенно важны торговые книги отца и сына Виттенборгов. Существовала также торговая книга Тевтонского Ордена, в которой фиксировалось отправление и получение товаров, в том числе и новгородских.

Западноевропейские источники XI–XIII вв. Прямых упоминаний Новгорода в западноевропейских источниках раннего времени (XI–XIII вв.) не встречается, однако существуют некоторые косвенные свидетельства. В «Хронике» Адама Бременского (1070 г.) указано время, необходимое для плавания от Волина, Шлезвига или Бирки (балтийских торговых центров) «до Острограда Руси»: «От Юмна (Волин) 14 дней плавания под парусами до Острограда Руси, столицей которой является Киев». Вряд ли следует сомневаться в том, что речь в данном случае идет о Новгороде, поскольку в сообщении определенно говорится именно о морских путях, которыми Новгород издавна был связан с Балтикой. «Хроника» Адама косвенным образом свидетельствует о прямых контактах в XI в. Новгорода с Данией и другими странами, расположенными в Балтийском регионе.

В грамотах Генриха Льва (1142–1180 гг.), Фридриха I Барбароссы (1188 г.), Любекском таможенном уставе (1220-е гг.) дано право беспошлинной торговли в Любеке русским, норвежцам, шведам, готландцам и другим народам Балтийского региона. Очевидно, под русскими в данном случае следует понимать прежде всего новгородцев, учитывая их ранние культурно-исторические контакты с южной Балтикой.

Археологические источники. Для исследования новгородско-ганзейских связей актуальны и материалы археологических исследований Новгорода. Благодаря исключительной сохранности новгородского культурного слоя они обладают двумя важными качествами: массовостью находок и их четкими датировками.

Вещественный материал дает зримое представление, как была устроена ганзейская контора, какие предметы окружали ганзейских купцов в быту, какие товары они привозили в Новгород. Найденные на тех или иных новгородских усадьбах предметы западноевропейского импорта дают основания для выявления купеческих усадеб, владельцы которых вели активную торговлю с ганзейцами, для определения социального статуса усадьбы.

Археологический материал, свидетельствующий о западноевропейских связях Новгорода, представлен как массовыми категориями западного импорта, так и индивидуальными находками. К первой группе относятся предметы из цветных металлов, ткани, янтарь, которые исчисляются сотнями и даже тысячами находок. Кроме того, обнаруживаются и другие, не столь многочисленные, категории западного импорта, которые насчитываются десятками экземпляров. В их числе фрагменты оконного стекла, стеклянных сосудов, стеклянные перстни и хрустальные вставки, оправы стеклянных зеркал.

Выявленные при раскопках массовые категории западного импорта характеризуют состояние и динамику новгородских связей на протяжении X–XIV вв., фиксируя при этом периоды подъема и спада в ввозе западных товаров. Слои XV в. из-за плохой сохранности изучены в Новгороде неравномерно, поэтому находки в слоях этого времени не отражают реальной картины импорта.

Наряду с массовыми категориями западного импорта в огромной вещевой коллекции из раскопок Новгорода содержится несколько десятков разного рода единичных западноевропейских изделий, в числе которых имеются предметы быта, письменности, досуга, культа, товарные пломбы, украшения. С ганзейским импортом связаны находки остатков дубовых бочек (днищ и клепок) с западноевропейскими купеческими знаками собственности. В таких бочках ганзейские купцы доставляли в Новгород свои товары.

Анализ всех импортных категорий показывает, что самыми массовыми являются те из них, которые были необходимы для развития собственного ремесла. К ним относятся цветные металлы и янтарь, количество которых, как отмечено выше, исчисляется в тысячах экземпляров. Стеклянные изделия, украшения из камня представлены лишь сотнями, а чаще десятками экземпляров. Таким образом, уже статистика импортных находок дает возможность делать объективные выводы о характере новгородской торговли, которая была направлена на доставку сырья.

Совершенно очевидно, что археологически выявлены не все статьи новгородского импорта. Такие известные по письменным источникам товары, как соль, сельдь, вино, а также предметы вооружения, кони и некоторые другие, не оставили следов в культурном слое города. Однако полученные при анализе археологического материала выводы могут быть распространены на развитие западноевропейских связей Новгорода в целом, поскольку массовые импортные находки объективно отражают развитие торговых связей.

В 1968–1970 гг. впервые были проведены археологические исследования на месте Готского двора, окончательно уточнившие местоположение и впервые давшие конкретные сведения об его устройстве. В ходе раскопок была исследована часть территории Готского двора общей площадью 542 кв. м, на которой были обнаружены остатки частоколов, нескольких деревянных и одного каменного сооружений и собрана коллекция западноевропейских предметов. (Подробнее об этом см. в главе IV.)

Исследования о новгородско-ганзейских связях (обзор литературы)

Важнейшим толчком для изучения в России новгородско-ганзейской торговли послужила публикация в 1801–1808 гг. немецким историком Г. Сарториусом многочисленных ганзейских документов, снабженных авторским комментарием и значительно дополненное им второе издание этой книги, которая была подготовлена к печати С. Н. Лаппенбергом уже после смерти Сарториуса. Многие документы, опубликованные в названных работах, касались новгородско-ганзейских взаимоотношений и истории немецкого двора в Новгороде, что надолго обусловило интерес историков к указанной теме.

В русскую историческую науку эти материалы были впервые введены в конце 30-х гг. XIX в. С. Строевым, который осуществил частичный перевод работ Сарториуса на русский язык. В те же годы в статье Шлецера были даны характеристика Любекского архива и обзор торговли между Новгородом и Любеком, причем автор подчеркивал ведущую роль Новгорода в этой торговле и второстепенное значение Любека.

Своеобразным итогом изучения истории новгородской торговли в первой половине XIX в. стала книга М. Славянского «Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком», в которой автор, основываясь на изданных к тому времени русских и иностранных источниках, дал полный обзор торговых взаимоотношений между Новгородом и Западом с подробными выдержками из скры и других документов. В конце работы описаны торговые пути и перечислен ассортимент западного ввоза и новгородского вывоза. Хотя эта книга по сути носит фактологический (а не исследовательский) характер, заслуживает внимания предпринятый Славянским анализ проекта договора между Новгородом и немецкими городами. Отмечу также высказанное им возражение против распространенного в то время среди иностранных историков мнения о чрезмерном влиянии иноземной торговли на развитие русских земель. Культуртрегерская миссия иностранных, особенно ганзейских, купцов в России стала на долгие годы одним из предметов споров между историками.

К середине XIX в. относятся работы И. Е. Андреевского, опубликовавшего параллельные тексты на нижненемецком, немецком и русском языках проекта договора 1270 г. Новгорода с немецкими городами и Готландом. Издание документа снабжено подробным авторским комментарием. Кроме того, здесь же была опубликована скра Немецкого двора в нескольких редакциях также с параллельными текстами на трех языках. Другая книга Андреевского была посвящена правам иностранцев в России, где большой раздел, основанный на материалах скры, характеризует права иноземных (в основном ганзейских) купцов в Новгороде. Названные работы Андреевского содержат много фактического материала, который и сейчас может быть использован при изучении новгородско-ганзейской торговли.

В первой половине XIX в. на многие десятилетия вперед определилось основное направление в изучении новгородской торговли. Главное внимание историков было приковано к исследованию торговых отношений Новгорода с западноевропейскими партнерами, и прежде всего с Ганзой, а также к истории иноземных дворов в Новгороде. Это обусловлено наличием и состоянием источников, среди которых, как отмечено выше, большую часть составляют разнообразные документы Ганзейского союза, таможенные книги иностранных купцов, договоры Новгорода с Готландом и немецкими городами, скра (устав) Немецкого двора в семи редакциях.

Во второй половине XIX в. база изучения внешней торговли Новгорода постоянно пополнялась новыми документами. Начиная с 50-х гг. регулярно издаются разнообразные ганзейские и прибалтийские актовые материалы, содержащие сведения о западноевропейских торговых связях Новгорода, что вызывало новые исследования в данной области. К этому времени

относится деятельность ведущих исследователей средневековой новгородской торговли М. Н. Бережкова и А. И. Никитского. Самое полное и детальное описание торговых связей Новгорода с Готландом и Ганзой принадлежит в это время М. Н. Бережкову. Главное место в его обобщающем труде «О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.» (1879 г.) уделено новгородской торговле. В нем автор подробно исследует начало и развитие торговых отношений Новгорода с Западом еще в доганзейский период, переходя затем к всестороннему, документированному многочисленными источниками описанию новгородско-ганзейских связей и иноземных дворов в Новгороде. Хотя книга Бережкова, как и большинство работ того времени, носит описательный характер, она, в отличие от многих из них, содержит элементы анализа и систематизации использованных источников, критический обзор предшествующей литературы по истории новгородской торговли, а также характеристику денежного обращения.

Перу А. И. Никитского, который в течение всей жизни занимался экономическим бытом Новгорода и Пскова, принадлежит несколько работ по торговле Новгорода. Основополагающий труд А. И. Никитского – «История экономического быта Великого Новгорода» (1893 г.). В нем исследователь впервые объединил сведения из различных документов для создания возможно более полной картины экономической жизни средневекового Новгорода. Наиболее полно и подробно в работе Никитского изучена западная торговля Новгорода: состав товаров и источники их получения, торговые пути, правовое положение иноземных купцов в Новгороде, иноземные дворы и их статус. Никитский первым отметил активную деятельность новгородцев в торговле с Ганзой и обратил внимание на их попытки ввести ограничения в ганзейскую торговлю.

Исследование А. И. Никитского как бы подвело итог изучению истории новгородско-ганзейской торговли в отечественной историографии XIX в. После этого вплоть до второй половины XX в. не было специальных работ по данной проблематике, хотя отдельные аспекты новгородско-ганзейских связей находили отражение во многих общих работах по древнерусской истории. Большую роль в пробуждении активного внимания к указанной тематике сыграло издание многочисленных актовых документов, среди которых основными были договорные грамоты Великого Новгорода с западными контрагентами, а также различные памятники русского права.

Первой среди исследователей нового времени, обратившихся к истории новгородской торговли, была Н. А. Казакова, выбравшая темой своих многолетних исследований торговую политику Древней Руси, в частности Новгорода, в отношении западных партнеров. Эта тема разрабатывалась автором в различных статьях и завершилась монографией «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв.» (1975 г.), в которой значительное место занимают взаимоотношения Новгородской республики с Ливонией и Ганзой. Торговая политика Новгорода по отношению к его западным контрагентам разработана исследовательницей основательно, с тщательным анализом всех известных к тому времени памятников. Казаковой удалось проследить историю торговых связей Новгорода с Западом в пору расцвета новгородской государственности, установить все изменения, происходившие в торговой политике Новгорода, связать усиление или уменьшение активности в новгородской торговле с внешнеполитическим положением республики. Автор привела многочисленные примеры попыток Новгорода ограничить преимущества ганзейских купцов в торговле, требований новгородцами установления твердых цен. Одним из главных показателей увеличения активной торговли Новгорода Казакова называет требование новгородцев в 20–30-е гг. XV в. «чистого пути за море», что, по мнению автора, свидетельствует о росте внешней торговли Новгорода в это время. О влиянии, которым пользовался Новгород на севере Европы в указанный период, говорят, по ее мнению, и новгородско-датские переговоры 1428 г.

Интересны наблюдения Н. А. Казаковой над начальными текстами Новгородско-немецких договоров XII–XV вв. Представители купечества появляются в них только со второй поло-

вины XIV в., а с конца первой четверти XV в. кроме купеческих старост в заключении договоров регулярно участвуют еще и «дети купеческие», и купцы, что было, по мнению Н. А. Казаковой, следствием подъема внешней торговли Новгорода и возросшей в связи с этим роли купечества в его торговой политике. Работами Н. А. Казаковой в значительной степени исчерпана тема торговой политики Новгорода и торговых взаимоотношений с западными странами в XIV–XVI вв.

Гораздо сложнее обстоит дело с другими разделами новгородской торговли, плохо обеспеченными источниками, и прежде всего с выяснением конкретной торговой деятельности новгородских и ганзейских купцов. Особого внимания в этой связи заслуживают исследования М. П. Лесникова, который привлек в качестве источников по истории новгородской торговли практически не использованные до него торговые книги Тевтонского ордена и ганзейских купцов, в частности деловой архив Фекингусенов, что позволило обратиться к малоизученным проблемам. Автор проанализировал уровень цен в Новгороде и на Западе, в результате чего пришел к, казалось бы, неожиданному выводу о незначительной разнице между ними, что в свою очередь свидетельствует о незначительности прибылей, получаемых ганзейскими купцами от торговли с Новгородом. Этот вывод Лесникова подвергнут сомнению в литературе, что делает необходимым дальнейшее исследование поставленной им проблемы. Лесникову принадлежит также ряд интересных наблюдений над происхождением некоторых сортов пушнины и серебра. Представляется важным и обращение историка, несмотря на подчеркнутую им «скудость источников», к рассмотрению конкретной торговой деятельности, а не только правовых норм ведения торговли. Анализ источников позволил Лесникову решительно возразить против распространенного в западной исторической литературе взгляда на Новгород как на пассивный «колониальный придаток» Ганзы.

Существенный вклад в изучение новгородской торговли со странами Прибалтики и Западной Европы в XIV–XV вв. внесла А. Л. Хорошкевич, обратившая особое внимание на состав товарооборота в западной торговле Новгорода. В конце 50-х гг. появился ряд ее статей о торговле в Новгороде импортными тканями, благородными металлами, о вывозе воска, одного из главных предметов новгородского экспорта. Впоследствии эти работы легли в основу монографии, где всестороннему анализу были подвергнуты главные, устанавливаемые по письменным источникам, статьи новгородского вывоза (пушнина, воск, кожа) и ввоза (ткани, соль, благородные и цветные металлы, сельдь и др.). Для каждой из названных импортных и экспортных категорий Хорошкевич определила места их происхождения или изготовления, выяснила сорта пушнины и тканей, качество других товаров. Несомненной заслугой исследовательницы является определение ею круга поставщиков экспортных товаров и потребителей предметов импорта, что позволило автору осветить в некоторой степени общее экономическое положение Новгорода. Заслуживает внимания предпринятая ею попытка определить, насколько позволяли письменные источники, динамику новгородского ввоза и вывоза некоторых товаров. В круг интересов А. Л. Хорошкевич входили и отдельные правовые проблемы новгородской торговли. В частности, она подвергла тщательному анализу проект договора 1269 г. между Новгородом и немцами, кроме того, издала и прокомментировала две неизданные грамоты.

Некоторые частные аспекты истории новгородской торговли освещал в своих статьях И. Э. Клейненберг, разрабатывавший главным образом различные правовые вопросы, проблемы метрологии торговли, существование заемного процента в Новгороде.

В последней четверти XX в. активизировалось исследование новгородско-скандинавских связей, основанное на новых переводах и комментариях исландских саг и рунических надписей. Т. Н. Джаксон в одной из статей прокомментировала все сведения саг, касающиеся торговли Новгорода. Остроумна гипотеза Е. А. Мельниковой, рассмотревшей возможность заключения в 1024–1028 гг. торгового мира между Ярославом Мудрым и норвежским королем Олавом Харальдсоном.

Непреходящий интерес у историков вызывает описанный в НПЛ под 1188 г. конфликт между новгородскими и немецкими купцами. Со времен Карамзина, первым обратившим внимание на это сообщение, появилось немало работ, посвященных анализу и интерпретации данного летописного текста, дискуссионный характер которого вызван неоднозначностью перевода слов «рубоша», «Хоружек» и «Новоторжец» и общего понимания происшедшего конфликта.

Что касается размещения в Новгороде иноземных дворов, то долгое время не существовало единого мнения об их числе и конкретном местоположении, хотя иноземные дворы давно находятся в поле зрения исследователей. После раскопок Готского двора удалось локализовать его на берегу Волхова, а новое обращение к письменным источникам позволило точнее определить и местоположение Немецкого двора в Новгороде.

Развитие западноевропейских, и в первую очередь ганзейских связей Новгорода, история и устройство ганзейской конторы в нем стали темой научных исследований автора данной книги.

Особое значение для изучения новгородско-ганзейских отношений имеет исследование Е. Р. Сквайре и С. Н. Фердинанд, посвященное новгородско-ганзейским языковым контактам. Авторы впервые подвергли лингвистическому и филологическому анализу большой комплекс ганзейских документов, в числе которых договоры с Новгородом, скра Немецкого двора, переписка ганзейских купцов, посольские отчеты и др. На основе изучения их формуляров, языка и стиля исследовательницы выявили в ганзейских грамотах и письмах значительное число заимствований из русского языка, разработали систему оценки источников, которая позволяет установить время и место их создания. Несомненно, эта новаторская по сути работа немало поспособствует дальнейшему углубленному исследованию различных сторон истории новгородско-ганзейских контактов.

* * *

Изданные в XIX в. разнообразные ганзейские и ливонские источники содержат немало сведений о торговле Новгорода с Западной Европой, что привлекло внимание иностранных ученых к изучению западноевропейских торговых связей Новгорода и особенно его взаимоотношений с Ганзой. Уже сама публикация ганзейских и прибалтийских документов сопровождалась комментариями издателей, обращавших особое внимание на Новгород. Начало этой работе положили Г. Ф. Сарториус и С. М. Лаппенберг, а продолжили Ф.-Г. фон Бунге, Г. Гильдебранд, К. Э. Напиерский, К. Коппман, В. Шлютер и другие исследователи, издававшие разнообразные ганзейские и ливонские источники. Следует отметить, что авторы комментариев часто бывали субъективны в своих оценках западноевропейской торговли Новгорода и не всегда точны в толковании текстов. Например, К. Коппманн в предисловии к первой части издававшихся им ганзейских рецессов и других актов отметил существование в Новгороде трех иноземных дворов и трех церквей иноземных купцов: св. Олафа, св. Николая и св. Петра. Однако в действительности в средневековом Новгороде было только два торговых двора иноземцев: Готский с церковью св. Олафа и Немецкий с церковью св. Петра. Указания К. Коппманна на третий двор и немецкую церковь св. Николая ошибочны из-за неверного толкования источника. Хотя многие историки подходили критически к этому сообщению автора, указанный комментарий издателя породил и в русской, и в зарубежной литературе путаницу относительно числа и местоположения иноземных дворов в Новгороде.

Наличие и состояние источников обусловили и выбор тем, разрабатываемых иностранными учеными. Наиболее изученными стали история Немецкого двора в Новгороде и развитие новгородско-ганзейских отношений.

Первым исследователем Немецкого двора в Новгороде был Г. Ризенкампф, давший общий обзор истории торговой фактории немецких купцов в Новгороде. В двух небольших книжечках В. Бука особенно подробно исследована история немецкой конторы в первое столетие ее существования; ее возникновение автор относит к последним десятилетиям XII в., что вполне согласуется с развитием новгородско-немецких торговых отношений. Исследователя отличает корректное отношение к источникам.

Для последнего периода существования Немецкого двора представляет интерес статья Г. Гильдебрандта о закрытии конторы в Новгороде в 1494 г., написанная автором на основе изданных им отчетов дерптского и ревельского послов. В статьях Р. Хаусманна и П. Остен-Закена также обращено внимание на последний этап в истории новгородской ганзейской конторы, когда руководство ею полностью переходит к ливонским городам Риге, Дерпту, Ревелю.

Для хронологии этапов и общей схемы развития торговой фактории ганзейцев важна работа М. Гурланда, создавшего периодизацию истории ганзейской конторы, основой которой (периодизации) являлась смена руководства. Первоначально оно находилось в руках Висбю, затем в конце XIII в. к нему присоединился Любек, после чего со второй половины XIV в. активное участие в управлении конторой принимают ливонские города. К последним с середины XV в. переходит вся полнота власти над немецким двором в Новгороде. Эта схема была впоследствии принята почти без изменений историками Ганзы.

В дальнейшем вопросы, связанные с историей ганзейской конторы в Новгороде, рассматривались в общих исследованиях по новгородско-ганзейским связям. Из специальных работ второй половины XX в. отмечу статью Г. Свенстрома о значении и истории Готского и Немецкого дворов в Новгороде. Описание конторы св. Петра в Новгороде содержится в статье П. Иохансена, посвященной купеческим церквам в прибалтийских областях. Чешский исследователь О. Халага также дал общий обзор купеческих церквей в Западной Европе и описание двора св. Петра в Новгороде.

Что касается новгородско-ганзейских отношений в целом, то первой в этой области можно назвать работу Э. Херманна, вышедшую в первой половине XIX в. Следующие специальные труды по торговле Новгорода с Ганзой появились лишь в конце XIX в. Характеристика новгородско-ганзейских торговых отношений, начало которых автор относит к первой половине XI в., нашла место в обзорном сочинении А. Винклера «Немецкая Ганза в России».

В первой половине XX в. наиболее полное и подробное исследование русско-ганзейских торговых связей, большая часть которых посвящена новгородской торговле с Ганзой, содержится в двух фундаментальных трудах Л. К. Гётца. В монографии о немецко-русских торговых договорах наряду с их источниковедческим анализом дан подробный комментарий автора о развитии торговых отношений Новгорода с Западной Европой. Вторая работа Л. К. Гётца, посвященная развитию немецко-русской торговли в целом, до сих пор остается самой основательной в зарубежной исторической литературе. Существенным ее отличием от многих других зарубежных трудов является использование автором русских источников и знакомство с русской литературой по выбранной теме. Более важное отличие книги Гётца состоит в том, что он первый среди западноевропейских ученых подошел к комплексному изучению русско-ганзейских связей, уделяя внимание и составу товаров, и истории немецкой конторы, и торговым путям. Раздел о Новгороде делится на хронологическую и систематическую части. В первой из них историк последовательно описывает этапы развития торговых отношений Новгорода с Готландом и Ганзой, полностью принимая периодизацию истории немецкой конторы, предложенную М. Гурландом, и распространяет ее на всю историю новгородско-ганзейских связей.

Знакомство Л. К. Гётца с русской литературой нашло отражение в его теоретических построениях. Как и большинство русских историков XIX – начала XX в., он считал торговлю определяющим элементом как во внутренней, так и во внешней жизни Новгородской республики. Более того, даже политика Новгорода в отношении князей определялась, по его мнению,

торговыми интересами города. Что касается характера новгородско-ганзейских отношений, Гётц не согласен с широко распространенным среди немецких историков мнением о пассивной роли Новгорода и приводит примеры активных действий новгородцев в ганзейской торговле.

Заметный вклад в изучение новгородской истории, в том числе его торговли, внес в 50–60-е годы XX в. германский историк П. Иохансен. Кроме уже упомянутых работ, содержащих описание Готского и Немецкого дворов в Новгороде, им написаны две статьи, посвященные Новгороду. Заслуга Иохансена состоит прежде всего не в аналитическом исследовании торговых связей Новгорода с Ганзой, а в том, что он после долгого перерыва обратил внимание западных историков на необходимость дальнейшего изучения новгородско-ганзейских торговых отношений. При этом автор подчеркивал, что, несмотря на основополагающие труды Л. К. Гётца и другие работы, остается еще много пробелов в этой области. Важна мысль историка, что положение и значение Ганзы в Новгороде можно правильно оценить только после подробного изучения истории Новгорода и особенностей развития этого города.

Цели и задачи будущих исследований по указанным проблемам сформулированы Иохансеном в обзорной статье «Новгород и Ганза», где он дал краткий очерк истории Новгорода, его торговых связей с Готландом и Ганзой, торговых путей к Новгороду, рассказал о дворах и организации жизни в них. Касаясь вопроса о влиянии Ганзы на развитие Новгорода, Иохансен, хотя и призывал к осторожности в решении этой проблемы, тем не менее считал, что высокий культурный уровень Новгорода и Пскова был связан с их близким соседством с Западом.

Другая статья историка касается непосредственно ганзейской торговли с Россией и особенно с Новгородом, в которой автор оригинально решает вопрос о значении торговли для Ганзы и Новгорода, утверждая, что в раннем средневековье преобладала торговля предметами роскоши, поэтому развитие торговли во многом зависело от моды и от вкусов покупателей, а не от экономического развития. Кроме того, Иохансен анализирует вопрос об активности и пассивности ганзейской торговли на русском востоке и приходит к выводу, что поскольку ганзейские купцы постоянно доставляли в Новгород свои товары, то новгородская торговля постепенно утратила свой активный характер, в то время как ганзейская торговля всегда оставалась активной.

История новгородско-ганзейских отношений – предмет пристального внимания современного немецкого историка Н. Ангерманна, который постоянно следит за всей выходящей по этой теме в России литературой, реферирует ее и активно использует в своих статьях.

Специальное исследование о немецко-русской торговле в ранний период (до XIII в.), большая часть которого касается немецко-новгородской торговли, посвятил В. Реннкамп. Автор подробно рассмотрел ранние торговые договоры Новгорода и предложил свою датировку самого первого из них.

Перечисленными работами исчерпываются специальные исследования по истории новгородско-ганзейской торговли, имеющиеся в западной литературе. Вместе с тем проблемы новгородско-ганзейских отношений находят отражение в многочисленных общих исследованиях по истории Ганзы, Готланда, Тевтонского ордена. Представляют также интерес исследования ганзейских торговых путей в Новгород.

* * *

С началом систематического археологического исследования Новгорода источниковая база изучения средневековой новгородской торговли, и в частности новгородско-ганзейских связей, значительно расширилась. Обнаруженные при раскопках категории массового импорта (цветной металл, янтарь, стекло, ткани), некоторые категории находок и индивидуальные изделия западноевропейского происхождения стали предметом специальных исследований разных авторов. Массовые категории западноевропейского импорта были проанализированы в моей

работе «Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв.» (1978 г.), где впервые был собран и исследован массовый археологический материал, объективно отражающий европейские связи Новгорода в X–XIV вв.

Наиболее полная сводка индивидуальных западноевропейских предметов из цветных металлов и их характеристика содержатся в работе М. В. Седовой «Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.)».

Некоторые особенно интересные импортные изделия и произведения прикладного искусства западноевропейских мастеров сразу после их обнаружения становились предметом отдельных публикаций. Их авторы были заняты атрибуцией, источниковедческой и искусствоведческой характеристикой этих предметов. Образцом анализа археологических находок, ставших источником для интересных исторических наблюдений, является статья Ю. Л. Щаповой о двух обломках венецианских сосудов, найденных в Новгороде

Большое значение для характеристики цветных металлов, одной из основных категорий сырьевого импорта, имела работа А. А. Коновалова по определению состава сплавов изделий из цветных металлов. Спустя 30 лет после смерти автора его работа была опубликована в полном объеме, что дает в руки современных исследователей полноценные сведения об одной из важнейших статей ганзейского импорта.

Глава II

НОВГОРОД В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В X–XII вв.

Новгород основан в регионе, который с VIII в. находился в зоне активных балтийских контактов, и прежде всего с южнобалтийским побережьем. Давним связям с европейским западом и севером Новгород обязан своим происхождением и местоположением на перекрестке важнейших водных путей (путь «из варяг в греки» и балтийско-волжский путь). Судя по топографии кладов арабских монет, оба эти пути сходились в озере Ильмень и шли далее через Новгород по Волхову в Балтийское море, благодаря чему Новгород непосредственным образом был связан как с европейским севером и западом, так и с востоком, и с югом (рис. 1).

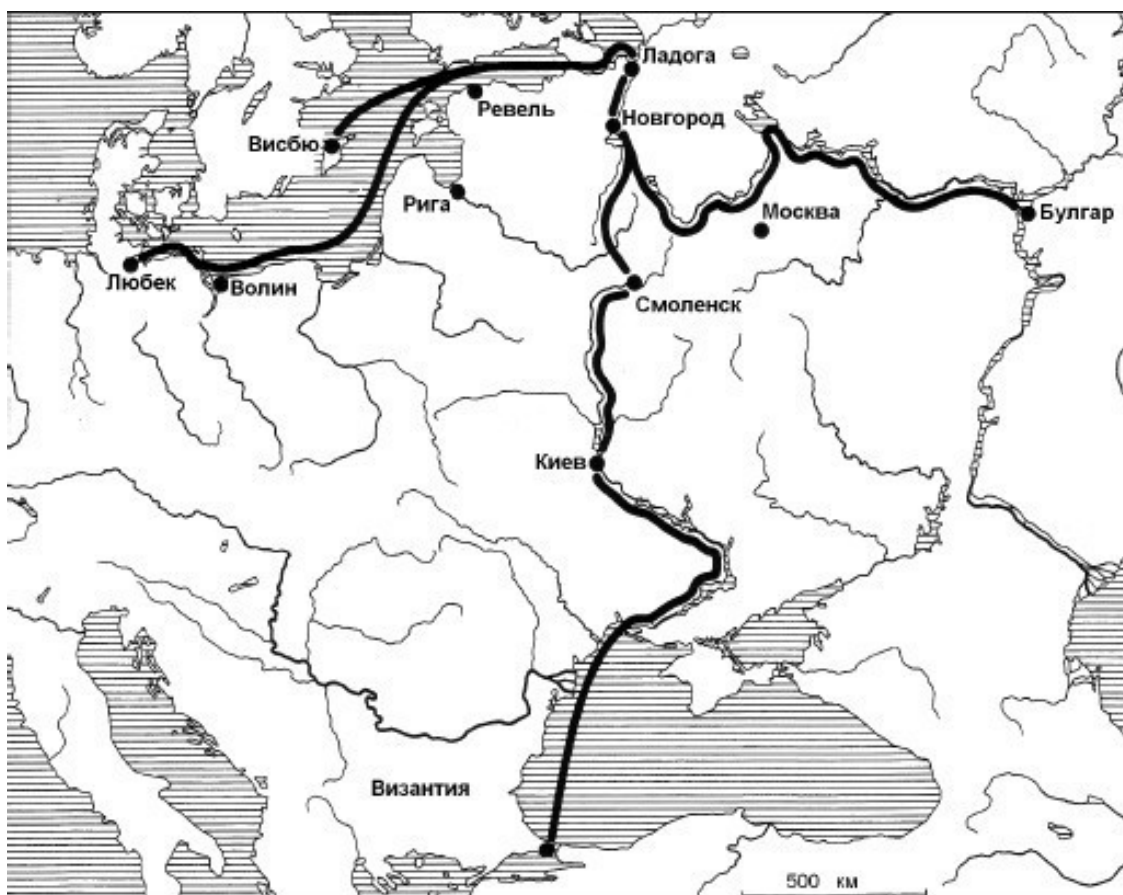

Рис. 1. Карта основных торговых путей и партнеров Новгорода

Западнославянское направление (X–XI вв.)

Начало торговым отношениям Новгорода с западными соседями и странами, расположенными в балтийском регионе, было положено его связями с коренным славянским населением южной Прибалтики. Еще на рубеже XIX–XX вв. исследователи обращали внимание на некоторые черты в языке, религиозных верованиях, обычаях и преданиях, роднящих население Новгородской земли с западными славянами. За последние десятилетия накопился разнообразный материал, который существенно пополняет давние наблюдения. Согласно новейшим исследованиям в области археологии, антропологии, лингвистики славянское заселение северо-запада Восточной Европы (будущие территории Новгородской и Псковской земель) шло сложными путями. Кроме южного потока (из Приднепровья), который традиционно считался единственным путем продвижения славян на Северо-Запад, значительная часть славян пришла в этот регион с южного побережья Балтики, из области расселения западных славян.

Археологические материалы, проанализированные В. В. Седовым, указывают на миграцию населения из Средней Европы (бассейн Вислы) в северо-западный регион Восточной Европы. Данные палеоантропологии, привлеченные автором, также свидетельствуют о генетической связи новгородских словен с балтийскими славянами. Особое значение в связи с этим имеют выявленные А. А. Зализняком при лингвистическом анализе берестяных грамот особенности древ-неновгородского диалекта, которые существенным образом отличают его от южнорусского, и прежде всего в ранний период (XI–XII вв.). Характерной чертой древненовгородского диалекта является наличие в нем ряда признаков (зафиксировано уже около 30) в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, большинство которых связаны с западнославянскими, преимущественно севернолехитскими, языками. Примечательно, что с находками новых грамот XI–XII вв. число этих признаков увеличивается.

Поселившись в бассейне озера Ильмень, выходцы из южной Балтики не утратили связи со своей «прародиной». Тесные контакты Новгорода и Новгородской земли с западнославянскими землями демонстрируют разнообразные нумизматические и археологические материалы.

1. Озеро Ильмень с истоком Волхова были главными воротами, через которые восточное серебро из стран арабского халифата поступало в IX–X вв. в Западную Европу. Топография кладов арабских монет показывает, что большая часть их в IX в. оседала в Новгородской земле и западно-славянских землях (Померания, Восточная и Западная Пруссия), причем состав этих кладов был идентичен. Последнее обстоятельство, несомненно, свидетельствует о том, что указанные территории находились в непосредственном контакте друг с другом и восточное серебро через Новгородскую землю «уходило» в южную Балтику. Отмечу, что на севере Европы (на Готланде и в Швеции) для этого времени зафиксировано лишь три клада восточных монет. Зато позднее ситуация кардинально изменилась, и «отлив» восточного серебра в X в. происходил на Готланд, в Швецию и в Норвегию, где (по данным на 1950-е гг.) обнаружено 73 клада арабских монет, т. е. в это время происходит установление постоянных прямых контактов между названными регионами и Новгородом.

2. В XI в. начинается активный ввоз в Новгородскую землю западноевропейских монет, где, как отмечают специалисты, сосредоточено наибольшее количество кладов с денариями, происходящих с территории Восточной Европы. Монетный состав западноевропейских кладов указывает на то, что главными поставщиками серебра в Новгород были Германия, Англия и Дания, монеты которых преобладают в кладах, обнаруженных в Новгородской земле. Тот же состав наблюдается в кладах западноевропейских монет, обнаруженных на территории Померании и Пруссии, т. е. на южном побережье Балтики, что лишний раз свидетельствует о «без-

условном родстве» этих кладов и непосредственных контактах северо-западной Руси с западнославянскими землями.

3. В связи с последними исследованиями о происхождении Новгорода становятся понятными давние наблюдения В. Л. Янина, установившего существенную разницу между северо-западной (по существу новгородской) и южной денежно-весовыми системами. Особое значение приобретает сделанный им в начале 50-х годов XX в. вывод о тесной связи северо-западной системы с западноевропейской, в отличие от южнорусской, ориентированной на византийскую денежную систему. Как писал исследователь, Новгород усвоил западную весовую систему, послужившую основой для создания собственного денежного счета, еще до того, как стал получать западноевропейский денарий.

4. Об устойчивых связях Новгорода с южно-балтийским побережьем в раннее время свидетельствует состав сплавов изделий из цветных металлов. При их металлографическом анализе, проведенном А. А. Коноваловым, обнаружилось, что сплавы новгородских изделий X–XI вв. тождественны сплавам подобных изделий, происходящих с южно-балтийского побережья.

5. При раскопках Городища (Рюрикова) и в Поозерье были обнаружены различные материалы IX в. западнославянского происхождения. Среди них хлебные печи, двушипные накопечники стрел, некоторые типы керамики, имеющие прямые аналогии в материалах польского Поморья. Подобные предметы обнаруживаются также в самых ранних городских слоях, которые датируются в Новгороде серединой – второй половиной X в.

6. По наблюдениям В. И. Поветкина, музыкальная культура и состав музыкальных инструментов Новгорода и Киева были различны, в то время как между Новгородом и западнославянскими землями в этой области проявляются черты сходства. В частности, конструктивные особенности музыкальных инструментов, прежде всего гуслей, найденных в Новгороде, Гданьске и Ополе, имеют одинаковое устройство и восходят к общим корням.

Перечисленные факты делают несомненным наличие тесных культурно-исторических и, возможно, торговых контактов между Новгородской землей и ее центром Новгородом и западнославянскими землями в раннее время, а именно в IX–XI вв.

Скандинавские связи (IX–XI вв.)

Балтийско-днепровская и балтийско-волжская водные магистрали стали теми путями, по которым в IX в. двигались скандинавы, осваивая новые территории для торговли. Еще до образования собственно Новгорода в истоке Волхова, на его правом берегу, в IX в. существовало торгово-ремесленное поселение, контролировавшее путь «из варяг в греки», известное в источниках под названием Городище. Именно здесь поселился со своей дружиной варяжский князь Рюрик, призванный в 859 г. местными племенами. С тех пор Городище стало местопребыванием князя (княжеской резиденцией) в течение нескольких столетий. Оно и было предшественником Новгорода, то есть Нового города, в этом регионе.

Начавшиеся в IX в. контакты Новгорода с северной Европой носили в дальнейшем не только торговый, но и политический характер, что нашло отражение в упомянутом призвании варяжского князя, политических союзах, династических браках. На несомненное присутствие скандинавов указывают многочисленные находки скандинавских предметов на Городище под Новгородом. Примечательно, что хотя скандинавские предметы известны здесь с IX в., наибольшее их число приходится на X в., когда на Городище прочно обосновалась княжеская резиденция с дружиной, состоящей из скандинавов.

Отдельные скандинавские находки обнаружены и в самом Новгороде в слоях X–XI вв. В их составе две скорлупообразные фибулы, подвеска с молоточками Тора и ладьевидная подвеска, круглая ажурная привеска с орнаментом в виде сплетенных звериных туловищ, овальная ажурная накладка, бронзовые наконечники ножен меча, обломок кости с рунической надписью, костяная проколка с орнаментированной плоской головкой, фрагмент железной крученой гривны с молоточком Тора.

Столь малое число скандинавских предметов в составе огромной вещевой коллекции, собранной за годы раскопок в Новгороде, говорит об исключительном характере каждой такой находки на территории города. Перечисленные скандинавские изделия не дают основания для вывода о присутствии скандинавского элемента в населении города, тем более о локализации скандинавов в том или ином районе Новгорода, поскольку эти районы в большей или меньшей степени уже охвачены археологическими исследованиями. Эти находки не могут быть причислены также к предметам торговли, и каждая из них требует индивидуального подхода при объяснении причин их появления в Новгороде.

К сожалению, новгородско-скандинавские торговые связи практически не фиксируются археологически, а единичные находки скандинавских вещей в Новгороде являются лишь косвенным свидетельством этих связей. Вместе с тем, несомненно, скандинавские изделия, найденные в Новгороде, служат все-таки неким (слабым) индикатором новгородско-скандинавских контактов, зафиксированных в сфере политики и в торговле.

Новгородско-скандинавские торговые связи нашли отражение в скандинавских сагах. Особый интерес представляют саги, в которых рассказывается о норвежских купцах, приезжавших в Новгород за товарами и называвшихся Хольмгардсфари, т. е. купцами-путешественниками в Новгород. В одном из отрывков саги «Книга о взятии земли» рассказывается о купце – Хольмгардсфари Бьёрне, прозванном Меховым, потому что он ездил в Новгород и привозил оттуда пушнину. В «Саге о фарерцах», записанной около 1220 г., но сохранившейся в рукописи конца XIV в., рассказывается о событиях X в., в частности об одном норвежском купце по имени Хравн, который постоянно ездил в Хольмгард (Новгород) и назывался поэтому Хольмгардсфари.

В «Круге земном», своде саг о норвежских конунгах, содержится рассказ о некоем Гудлейке Гардском, который был купцом и совершал торговые поездки в разные земли, в том числе и на Русь. Далее сага рассказывает, что Гудлейк отправился в Хольмгард, чтобы приоб-

рести там по просьбе конунга Олава «драгоценные ткани, которые, он думал, пойдут конунгу на торжественные одежды», «дорогие меха» и «роскошную столовую утварь».

Особый интерес представляют саги, в которых Новгород назван «торговым городом», что является исключительным случаем, поскольку никакой другой из двенадцати древнерусских городов, упомянутых в скандинавских сагах, так не именуется. Несомненно, интересны и саги, рассказывающие об Олаве, будущем норвежском короле с 994 по 999 г., который в детстве жил в Новгороде. Рассказывая о нем, сага упоминает и новгородский торг X в.

Судя по перечисленным фактам, скандинавские купцы, и прежде всего норвежские, постоянно ездили в Новгород за высококачественной пушниной, которая поступала в город в виде дани из северных территорий. Археологические находки деревянных пломб, запечатававших мешки с данью, свидетельствуют о том, что уже в XI в. Новгород получал пушнину с устья Ваги и из района реки Тихменга, находящихся далеко за пределами ядра Новгородской земли. На новгородском торге скандинавы покупали также предметы роскоши (драгоценные ткани, дорогую столовую посуду, очевидно, и другие товары) из Византии, стран Ближнего и Среднего Востока. Нередко поездки купцов были не только личной инициативой купцов, но санкционировались государством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.